

Н.И. Винокуров (Москва, МПГУ)

*Предварительные результаты работ Артезианской археологической экспедиции
Московского педагогического государственного университета (МПГУ) в 2022 г. в
Крымском Приазовье.*

В 2022 г. Артезианская археологическая экспедиция (далее – ААЭ) продолжала планомерные научно-изыскательские работы на территории Ленинского района Республики Крым на основании на Открытых листов № 0633–2022 и № 0650–2022 от 20 мая 2022 г., выданных Минкультуры РФ с целью исследования археологических памятников Боспорского царства на имя Николая Игоревича Винокурова. Успешность работы ААЭ МПГУ обеспечивалась поддержкой Фонда Президентских грантов, Фонда «История Отечества», благотворителей и личных средств участников экспедиции.

На базе ААЭ успешно проведены ежегодная археологическая полевая школа ААЭ «Европейский Боспора», выездная учебная практика студентов МПГУ общим количеством более 22 человек во главе с к.и.н., доц. А. А. Симоновой при активном участии студенческого археологического отряда МПГУ «Горизонт».

Археологические раскопки проводились на памятнике республиканского значения городище Артезиан IV вв. до н.э. – IV в. н.э., расположенном в 5 км к востоку от Азовского моря, в 2,5 км к северо-западу от современного поселка Чистополье. Городище исследуется ААЭ с 1987 г. На сегодняшний день это единственный реперный памятник в Восточном Крыму, дающий дату начала активного военного проникновения Римской империи на территорию Боспорского государства. Здесь был открыт мощный слой пожара времени боспоро-римской войны 44/45–49 гг. Его изучение и сопряжённых с ним объектов было приоритетной задачей экспедиции на протяжении 2003–2020 гг., так как этот слой активно разграбливается мародёрами.

На городище Артезиан в 2022 г. проводились раскопки на основании Открытого листа № 0633-2022 от 20 мая 2022 г., которые затрагивали центральную часть памятника – на раскопах I–III – на площади около 1600 м². Раскопочные работы на некрополе городища Артезиан, как и разведки, в связи с большим объёмом работ на городище Артезиан, не осуществлялись.

Главными объектами исследования в 2022 г. являлись строительные остатки укреплений и хозяйственно-жилых строительных остатков ранней и поздней цитадели. Основной задачей текущего полевого сезона было продолжение исследований

оборонительных рвов ранней и поздней цитаделей, к северу и западу от них, заполненных бытовым и строительным мусором, уточнение хронологических рамок и интерпретация полуподвальных хранилищ, расположенных юго-восточнее ранней цитадели, продолжение изучения строительных остатков башен 5 и 6 и контрфорса поздней цитадели, насыпей террас рубежа–первых веков нашей эры. В ходе работ были вскрыты слои античного времени и сопряженные с ними строительные остатки, нескольких десятков пифосных и хозяйственных ям, преимущественно первого – четвертого веков нашей эры, доследовались фундаменты куртин крепостных стен, северо-западной и юго-восточной оборонительных башен 4 и 5 поздней цитадели, котлован выборки южной башни 6. Работы затрагивали западный участок раскопа III, северо-западную и юго-восточную прирезки 2020–2022 гг. к раскопу III прирезки, общей площадью более 1000 кв. м, а также северо-восточный участок 4 раскопа II с позднеантичными и средневековыми культурными напластованиями и сопряжёнными с ними строительными остатками. Мощность исследованного культурного слоя достигала 0,55–4,80 м, до материка изучена площадь около 60 кв. м на раскопе II. Во время работ были законсервированы отработанным грунтом исследованные ранее хозяйственные ямы и котлованы.

Раскопки 2018–2022 гг. значительно скорректировали представление о конструкции фортификационных сооружений городища. Было установлено, по меньшей мере, три этапа их функционирования. На первом этапе – появилась так называемая «цитадель «0»», время бытования которой связано со строительной деятельностью архитекторов и строителей времени Митридата Евпатора Диониса – на рубеже II–I вв. до н. э. Крепость этого периода погибла, как и все синхронные постройки городища, в результате мощнейшего землетрясения 63 г. до н. э. Камень, выбранный из руин построек и дворца (цитадели «0»), впоследствии послужил основой для возведения более поздних античных оборонительных сооружений: ранней и поздней цитаделей. Ранняя цитадель имела с южной стороны полукруглый бастион и три северных прямоугольных башни. Северо-западная башня выступала за линию стены, две других, центральная и северо-западная, расположенные близко друг другу, по линии стены, могли контролировать основной проезд в крепость. Ранняя цитадель была уничтожена в 46/47 г. союзными войсками римлян и Котиса I во время боспоро-римской войны 44/45–49 гг.

На руинах ранней цитадели при царе Котисе I (45–63 гг. н. э.) была построена новая крепость с выступающими прямоугольными башнями, которых было не менее восьми. Остатки фундаментов трёх из них полностью раскопаны, а основания четвёртой и пятой исследуются третий сезон с 2020 г. на раскопе III. Как ни странно, но глубина их фундаментов существенно меньше, чем под небольшими башнями ранней цитадели.

Впрочем, это касается и крепостных стен. Возможно, сравнительно неглубокие основания привели к тому, что стены и башни поздней цитадели при царе Савромате I пришлось усиливать мощными контрфорсами. По-видимому, к тому времени они сильно обветшали и получили повреждения в ходе землетрясения при его правлении.

Поздняя цитадель, построенная при Котисе I поверх остатков ранней и перестроенная при Савромате I, оказалась окончательно разрушенной другим мощным землетрясением в хронологическом диапазоне между 255–275 гг.

Следы данного сейсмического события прослежены в юго-западной части раскопа III, где западнее подпорной стены-контрфорса 88 открыто помещение с жилым горизонтом, маркированным вымосткой из мелких плит и глинобитными полами. В помещении действовали большая саманно-каменная прямоугольная двухъярусная печь 1/2022, борта которой укреплены орфостатно установленными плитами известняка. Печь наполовину попала в пределы раскопа и уходит в его южный борт. Устьем она развёрнута на север. Верхняя плита опиралась на вертикально установленные сырцовые столбики округлого и треугольного сечения. С запада к устью печи пристроен маленький очажок, устье которого смотрело на северо-запад. Верх его сложен в виде купола с округлым отверстием по центру, приспособленным для установки одного небольшого сосуда для приготовления еды «на каждый день». Последний очаг, как ни удивительно, топился по-чёрному, тогда как у большой печи имелся дымоход, отводивший продукты горения выше крыши.

Внутри печь на $\frac{3}{4}$ высоты заполнена рыхлой серой золой, без угольков, с мелкими сажными прослойками, которая осталась, скорее всего, в результате продолжительных по времени топок кизяками. В печном заполнении содержались перегоревшие остатки зерновок пшеницы и ячменя, мелкие пережжённые обломки стенок мидий, пара стенок гончарных сосудов. Особенно много карбонизированных зерновок было найдено в грунте около маленького очага.

Севернее и западнее очажных конструкций находились вкопанные пифосы, два из которых остались *in situ*, и несколько хозяйственных ям. Они перекрывали засыпанный ров ранней цитадели и были разрушены в результате серии сейсмических толчков, наиболее мощный из которых сдвинул к юго-востоку подпорную стену 88, деформировал её конструкцию. В результате сырцовый верх стены обрушился вниз и перекрыл печь, ямы и пифосы. Нижняя часть пифосов, вкопанных в грунт на $\frac{3}{4}$ высоты, в результате резкого подъёма грунта оказалась на пике сейсмической волны. Сосуды не выдержали направленного сейсмического воздействия, лопнули, дно их оказалось выбито вверх, стенки покрылись сквозными змеевидными трещинами, расселись и раздвинулись. Ширина

трещин в нижней части доходила до 1–3 см, в верхней – заметно более – 7–12 см, что типично для объектов, повреждённых сейсмическими толчками. Горловина сосудов частично провалилась внутрь. Часть обломков верха сосудов оказалась смещённой, как и тело стены 88, по направлению к юго-востоку. Скопления обломков пифосов и других сосудов образовали завалы на полу помещений под стеной 88 вместе с обломками печной обмазки. Они остались, как и печь 1, не доследованными, так как уходили в южный борт раскопа Ш.

Направление падения обломков строительных конструкций совпадает с осью развалов сосудов, растащенных по полу – глинистому утрамбованному жилому горизонту.

В ходе расчистки ниже слоя разрушения обнаружено не менее пяти больших ям из-под пифосов, которые были вкопаны западнее печи. Они врезаны в заполнение оборонительного рва ранней цитадели. С западной стороны для удобства подхода к пифосам выложили отмостку из мелких плит и блоков. Видимо, там грунт был неустойчив. Пространство от вымостки к устью печи утопано во время обслуживания печи и немного продавлено в виде узкой дорожки, которую периодически в древности подмазывали жёлтой глиной. Следы починки разделены тонкими серыми золистыми натопами. Дорожка вела к большой западной яме, куда сбрасывали золу и отходы хозяева печного комплекса. Вокруг ямы скопились золистые напластования с многочисленными костями животных МРС и КРС со следами кухонной разделки. В слое встречены обломки амфор, простой гончарной и краснолаковой посуды, венчик и несколько фрагментов стенок стеклянных кувшинов. Судя по количеству ям и перекопов, пифосы по каким-то причинам часто перемещались с места на места, возможно, отражая некоторую хозяйственную нестабильность в конце третьего века нашей эры.

Поверх жилого горизонта, маркированного вкопанными в грунт пифосами и основанием печи, отложился мощный слой разрушения, состоявший из массы оплывших сырцовых кирпичей, глиняной облицовки и бута.

Подобные сейсмические воздействия выявлены и на южном раскопе II, где аналогичные по силе мощные направленные импульсы привели к деформациям однорядного массивного фундамента, сложенного из больших квадров, ориентированного строго по сторонам света. Он представлял собой платформу с ровной поверхностью, размером 6,25x4,80 м, служившей основанием большого прямоугольного алтаря, по-видимому, ступенчатой конструкции. Размер его нижней части – 5,00x3,80 м – реконструируется на горизонтальной поверхности квадров тонкой линии, прослеженной с

четырёх сторон по краю квадратной платформы. Линия выбита зубилом с острым и узким режущим краем, имеет глубину до 10–15 мм, ширину до 15 мм.

Квадратное основание имело выраженные следы сейсмических деформаций, но изначально было сложено довольно аккуратно, в специально выкопанном строительном котловане прямоугольной формы. Подошвой квадратов служил сnivelированный материковый грунт. Щели между квадратами заполнены известковой крошкой и жёлтым глиняным раствором. Центр квадратной конструкции выбран средневековым перекопом. В затёчном чёрно-коричневом вязком гумусном заполнении перекопа содержалось большое количество известковой крошки, бутового камня, обломков квадратов и беломраморных плит и блоков со следами стёсанных рельефов и карнизов. Одна беломраморная плита прямоугольной формы с оббитыми краями осталась на дне перекопа. Она залегала под небольшим углом, почти горизонтально, по диагонали, углами по сторонам света. Размер плиты: 0,91/0,99x0,43x0,17 м. Это была угловая часть карниза ионического ордера жертвенного стола, украшенного с торцов овами и жемчужными поясками, высеченными в высоком рельефе. На одной из длинных сторон сохранились следы надписи, которая при монтаже алтаря в античное время была старательно сбита с помощью троянок и зубил. В этот период на плите появились и подтёски для двух прямоугольных вертикальных ножек. Явно, что алтарь был собран вторично из разобранной более ранней конструкции.

Факт хронологического несовпадения плит алтарной конструкции и собственно квадратной платформы не удивителен. Вторичное использование или повторная сборка на новом месте алтаря, декоративные ионические элементы которого явно датировались более ранним временем, несомненны. Конструктивные беломраморные элементы алтаря по стилистическим особенностям относились к эллинистическому периоду. Но время сооружения алтаря установлено по находкам из более ранней ямы с золистым заполнением с маловыразительным материалом, датированными II–III вв. Она была перекрыта западными квадратами фундамента. При сейсмическом толчке часть квадратов фундамента просела в рыхлое заполнение ямы и оторвалась от тела кладки алтаря, что потребовало в древности ремонта для его дальнейшей эксплуатации. Следы реконструкции повреждённых и просевших элементов фундамента прослежены в виде бутовой забивки на жёлтой глины поверх просевших квадратов западного фаса платформы.

Монументальный по размерам беломраморный алтарь был изделием значительной стоимости, выполненным по единым шаблонам в камнерезной мастерской специалистами высокой квалификации из качественного материала, добытого из мраморных карьеров острова Парос. Плиты между собой были скреплены железными штырями, щели между ними и пироны залиты свинцом. На обратной стороне плит сохранились глубокие вырезы

под пироны и метки каменотёсов в виде букв В, Г, Е, О. Последние были необходимы для правильного сбора алтаря на месте. Помимо боковых сторон плит, украшенных рельефными изображениями в ионическом стиле, в его конструкции имелись какие-то барельефы и скульптурные композиции, маловыразительные обломки которых не позволяют судить об их сюжете. Скорее всего, алтарь был доставлен в разобранном виде из Греции. Не исключено вторичное использование плит.

По периметру алтаря отложились серые зольные, довольно однородные, сбросы, мощностью до 0,30–0,50 м, с материалом первых веков нашей эры, верхняя часть которых по стратиграфическим данным, вполне возможно, образовались в период его бытования и эксплуатации.

В позднеантичный период и средневековое время квадратная алтарная платформа и пространство вокруг неё были прорезаны многочисленными неглубокими ямками под сосуды, некоторые из них вырублены непосредственно в поверхности блоков фундамента. По-видимому, к этому периоду алтарь был разобран. Составлявшие его мраморные плиты были разбиты на крупные и мелкие куски в средневековый период. Их фрагменты находились преимущественно в западинах на месте просевших горловин позднеантичных ям и в перекопах VIII–IX вв., в гумусном затёчном чёрном грунте, в котором были найдены и небольшие фрагменты свинцовых заливок и части железных стержней, которые использовались для скрепления плит алтаря в пилонах. По-видимому, при демонтаже алтаря в древности весь основной металл из пилонов был извлечён.

Важно отметить, что алтарь 2022 г. сооружён за пределами оборонительного рва акрополя, в южных террасированных хозяйственно-жилых кварталах городища. По одной линии с ним по оси юг-север располагался во внутреннем дворе поздней цитадели, располагался аналогичный по размерам подобный монументальный алтарь, в конструкции которого также были элементы из мрамора. Он был раскопан ранее на несколько десятков метров севернее. Не исключено, что алтари на каком-то этапе бытования поздней цитадели были синхронны.

Восточнее алтаря, в заполнении хозяйственной ямы, найдена оббитая фигурка Геракла. Возможна, она была связана с культами, которым был посвящён алтарь. Каким точно языческим богам приносились жертвы, кровавые или бескровные, пока остается только догадываться.

Необходимо отметить, что следы сейсмических воздействий прослеживались и на других строительных конструкциях, расчищенных на раскопе II севернее алтаря. Так, сейсмические деформации и подвижки зафиксированы на фундаменте южной крепостной стены 232 поздней цитадели, сложенной из больших квадров известняка, южном

контрфорсе 230 времени царя Савромата I. Как известно, и северная линия контрфорса крепости, включая все другие постройки городища, вскрытые на раскопах I и III, также были разрушены землетрясением 255/275 гг., как и.

Таким образом, разрушение и падение строительных конструкций и керамических сосудов на юго-восток позволяют говорить о противоположном, северо-западном направлении прихода сейсмических волн из геологически активной зоны Азовского сейсмического разлома, поблизости от Казантипского побережья. Мощность землетрясения была не менее 9–10 баллов. Впрочем, детальное осмысление последствий землетрясения 255/275 гг. для крепостных и бытовых сооружений городища будет сделано позже.

Поздняя цитадель после землетрясения второй половины – конца III в. н. э. постепенно забрасывается, останцы её стен стали использоваться для обычной жилой застройки, что предопределило правильную планировку поздних кварталов городища. С позднеантичными постройками связаны остатки хранилищных комплексов с ямами от вкопанных сосудов и большими ямами грушевидной или колоколовидной в разрезе формы, имевших сложенные из камня горловины. В них хранилось зерно: пшеница, ячмень, просо. Их глубина достигала 3–4 метров. Пифосы и ямы были разрушены другими, более поздними, сейсмическими событиями IV в. н. э.

На раскопе III открыт небольшой домашний жертвенник, который устроен поверх слоя сейсмического разрушения 255/275 гг. н. э. над руинами помещения с вкопанными пифосами и печью 1/2022. Жертвенник был вмонтирован в южный фас основания нового контрфорса террасы, построенного из квадров и блоков западнее башни 2 поздней цитадели, под прямым углом к подпорной стене 88, вытянутой по линии север-юг. Он состоял из двух частей, верхней – алтарной ниши, вырубленной в большом известняковом квадре, и нижней – небольшой линзовидной жертвенной ямки-ботроса, целиком выкопанной в сырцовом слое разрушения. Квадр с алтарной нишей в виде арки закрывал контуры жертвенной ямки-ботроса с рыхлым золистым серо-коричневым заполнением.

Жертвенная яма порадовала необычными находками. Её зольно-углистое заполнение скрывало сброшенные в ямку разнотипные глиняные грузила, которые были разломаны на куски сразу после изготовления. Они не были высушены и обожжены. Интересно, что серая пластичная местная глина, которая послужила для их формовки, сохранила свою первичную влажность и структуру. Жертвоприношения грузил в святилищах совсем не редкость. Но такие сырые, не высушенные и не обожжённые изделия, встретились в составе жертвенных подношений впервые. Обломки грузил в толще засыпи ботроса лежали хаотично, без видимого порядка, некоторые из них

оказались под сырцовыми кирпичами, в придонном слое ямы. Вместе с обломками грузил найден необычной формы небольшой камень, – окатанная или заглаженная кварцитовая галька, по форме напоминавшая идола или тушу барана без головы и ног. Здесь же были обнаружены три мелких морских ракушки-гребешка, три намеренно оббитых донца от двух гончарных кувшинов и амфоры, первые из которых опрокинуты вверх дном, три мелких косточки животных. Количество грузил, которые удалось склеить, также равнялось трём. Повторяемость числа три среди жертвенных подношений показательна и не случайна. В золисто-сырцовой засыпи ботроса находились ещё какие-то поделки из глины-сырца, но от них остались аморфные куски, по которым нельзя было судить о том, что они изображали и для чего предназначались.

Борта жертвенной ямки-ботроса обмазаны чистой жёлтой глиной, толщиной до 15–20 мм. На севере и востоке они были укреплены сырцовыми кирпичами, орфостатно установленными под прямым углом друг другу. Их подошвой послужила золистая рыхлая засыпь нижней части ямки. Точный размер кирпичей установить не удалось. Глиняная обмазка над ботросом под квадром с алтарной нишей имела на локальном пространстве следы копоты и действия огня в виде обожжённых красно-коричневых пятен и тонкой прослойки чёрной жирной сажи. Возможно, после кратковременного сожжения какой-то органики или насыщенного сажей топлива (нефти?).

Арка в квадре – в верхней части жертвенника – обращена к югу, где на площади 1,5 кв. м, вплотную к нему, прослежена серия из 38-ми мелких ямок округлой или овальной в плане формы с зольным содержимым. Сначала ямки были приняты за следы опорных вертикальных столбиков жердевой конструкции какого-то навеса или лежанки. Однако характер заполнения не исключает их ритуальный жертвенный характер. Все ямки были заполнены серой золой с мелкими угольками, видимыми признаками почитания культа огня. В нескольких из них были открыты отдельные мелкие фрагменты керамических стенок, в одной – пращевое ядрышко. Размер ямок настолько мал, что обломки керамики и пращевое ядро были туда намеренно положены в качестве хтонических подношений. Алгоритм древних жертвоприношений раскрыть на основании таких материалов вряд ли возможно. Высота, глубина и ширина довольно просторной алтарной ниши позволяли поместить туда и статуэтки почитаемых богов. Ракушки, найденные внутри её заполнения, могли быть материальным свидетельством молитвенного обращения к Афродите. В любом случае, поклонение и другим хтоническим божествам (Коре?) исключить также нельзя. Но важно то, что ботрос и алтарная ниша появились сразу после сейсмической катастрофы, прорезая и перекрывая слой её разрушения, что не может быть случайностью.

Кроме того, на стыке раскопа II и раскопа III исследовались культурные напластования первых веков севернее алтарной квадратной платформы, продолжал докапываться котлован выборки башни 6, прорезанный ямами из-под пифосов, которые были вкопаны на всю высоту. Материал в нём маловыразительный, первых веков нашей эры, но, что важно, дно котлована врезано в жилой горизонт насыпей ранних террас, связанных с временем бытования ранней цитадели. Здесь также встречены отдельные обломки беломраморных плит.

Западнее котлована сразу под дёрном были обнаружены ямные пятна пифосного хранилища, разрушенного землетрясением. Они были продолжением объектов, выявленных в 2021 г. Остатки нескольких раздавленных землетрясением пифосов свидетельствуют о сейсмических событиях IV в. до н. э. Сосуды неоднократно ремонтировались. Места ремонта фиксировались свинцовыми заливками. В хранилищах выявлено два уровня жилых горизонтов этого периода, разделённых спланированным слоем разрушения. Хранилища с пифосами примыкали изнутри к останцам крепостных стен поздней цитадели. В слое разрушения находок мало, но они вполне информативны. Пифосы в момент установки были укреплены обкладкой из обломков квадров, которая разрушилась в момент землетрясения. Пифосные ямы заплыли гумусом с известковой крошкой.

Западнее места стыка раскопов I и III, на северо-западной прирезке, раскапывался северный участок подпорной стены 65/66 – контрфорса 209, построенного при царе Савромате I во время реконструкции поздней цитадели. Контрфорс повторял контур стен и башен крепости и частично перекрывал полузасыпанный к тому времени оборонительный ров. Он сооружен из больших квадров и блоков, сложенных пирамидально, насухо, по однолицевой постелистой ложковой системе, однослойной, однорядной схеме. Подошва его на севере цитадели открыта с запада на восток на протяжении 40 м. Судя по стратиграфической ситуации, контрфорс построен в экстраординарных обстоятельствах, очень поспешно. Источником строительного материала послужила разобранный до уровня фундамента северо-западная башня 4, а, возможно, и какие-то другие фортификационные сооружения поздней цитадели. Остатки башни 4 были перекрыты последовательными мощными сбросами строительного отёса и материкового грунта, подсыпанными изнутри под контрфорс по мере возведения рядов кладки.

В пределы исследованной площади в 2022 г. северо-западной прирезке попало несколько десятков хозяйственных ям из-под пифосов, которые были выкопаны в период бытования помещений западного блока поздней цитадели. Они остались от хранилищ,

построенных вдоль фасада крепостных стен. Здесь же были вскрыты строительные остатки малопонятных средневековых сооружений с золисто-бутовым заполнением в виде аморфных котлованов и глубокой траншеи неправильной извилистой формы, возможно, выхода из полуземлянок VIII–IX вв.

Совместная работа ААЭ при оценке палеоантропогенного воздействия на окружающий исторический и природный ландшафт проводится в сотрудничестве с Институтом географии РАН (А. А. Гольева). Для проведения научных работ взяты на определение коллекции углей и шлаков из культурных напластований и объектов городища.

Благодаря работе экспедиционных топографов, при деятельной помощи Д. В. Грохольского и А.П. Пигина, специалистов из компании «Кредо-диалог», а также С. А. Мызина были привязаны новые участки работ к ранее подготовленным геодезическим планам, а также получены уточнённые координаты алтарной платформы на раскопе II, ориентированной точно по сторонам света для III в. н. э., размечены новые репера на территории городища и предполагаемого римского военного лагеря, открытого в 2021 г.

Все обнаруженные в процессе работы ААЭ находки сданы в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник.

Целью археологической учебной выездной практики на базе ААЭ являлось знакомство студентов МПГУ с принципами организации работы Артезианской археологической экспедиции, основными методами и приёмами работы исследователей разных научных направлений и школ с археологическим материалом непосредственно в полевых условиях. Она была достигнута благодаря решению следующих задач:

- закреплению и углублению теоретических знаний студентов по дисциплинам предметной подготовки (археологии, истории древнего мира, вспомогательных исторических дисциплин), применение этих знаний при проведении полевых археологических раскопок,
- ознакомлению студентов с приемами и методами полевых археологических раскопок,
- овладению теоретическими знаниями и практическими навыками обработки собранного археологического материала и консервации находок, составления полевых чертежей и масштабных зарисовок археологических объектов, ведения полевого дневника раскопок,
- приобретению навыков практического использования археологических находок в исследовательской деятельности и в преподавании истории в школе.

Проведение археологической практики способствовало решению следующих типовых задач *профессиональной деятельности* в области учебно-воспитательной деятельности:

- осуществление процесса обучения в соответствии с образовательной программой;
- воспитание у учащихся уважительного отношения к культурно-историческому наследию

- организация и проведение внеклассных мероприятий;
в области культурно-просветительской деятельности:
- формирование общей культуры учащихся;
в области организационно-управленческой деятельности:
- организация внеурочной деятельности.

В результате освоения материала учебной практики на базе ААЭ студенты получили новые компетенции в области:

- знания законодательства Российской Федерации об охране памятников истории и культуры, иметь представление о государственной системе их учета и охраны;
- знания принятую типологию памятников истории и культуры;
- владения основами полевой археологии;
- владения методикой полевого археологического исследования: ведение наблюдений и записей, дневников, принципы отбора вещественного материала, его описание и регистрация;
- умения организовывать труд и быт учебной группы в условиях полевой работы;
- знания правила техники безопасности при проведении полевых археологических исследований.

В процессе участия в научно-исследовательских работах ААЭ, студенты-практиканты МПГУ получили новые навыки по нивелировке и фиксации археологических объектов, по подготовке археологических дневников и других полевых материалов, включая чертежи строительных остатков, стратиграфии, рисунки находок, полевой и коллекционных описей, обработке и реставрации находок, просеивания и флотации культурного слоя с целью поиска палеоботанического материала, профориентации, необходимые данные для научных докладов на конференциях и материалы для написания курсовых работ, а также для подготовки научных публикаций. Работе с практикантами помогали студенты старших курсов и наши выпускники, имевшие многолетний опыт участия в раскопках ААЭ в качестве лаборантов и бригадиров, научные сотрудники ААЭ. Развитие наставничества в студенческой среде – одна из важных составляющих подготовки будущих историков и археологов.

Раскопчная деятельность экспедиции и организация учебной археологической практики проводились в тесном сотрудничестве с Центром археологических исследований МПГУ и Фондом содействия археологии.

д. и. н., проф. Кафедры
истории древнего мира и

средних веков, им. В.Ф.
Семёнова, директор Центра
археологических
исследований МПГУ

Н.И. Винокуров